

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ОГОНЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

З.А. Дубинец, Т.П. Павлюк

Ключевые слова: концепт «огонь», метафоризация, поэты Серебряного века, М. Горький.

Keywords: concept of “fire”, metaphorization, poets of the Silver Age, M. Gorky.

DOI 10.14258/filichel(2024)4-05

Современная лингвистическая наука характеризуется разно-плановостью взглядов на язык. Одним из приоритетных является понимание языка как своеобразного кода, формы наследственной традиции познания, хранящей в своих знаках особое ощущение, восприятие и видение мира. Внимание к когнитивной и аккумулирующей функциям языка обусловило появление и функционирование терминов «языковая картина мира», «концепт», «концептуальный анализ». Основные концепты русской культуры рассматриваются в работах Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, Д.С. Лихачева, В.А. Масловой, З.Д. Поповой и И.А. Стернина, А.М. Приходько, Ю.С. Степанова и др.

Особый интерес для исследователей представляют концепты — названия стихий, первоэлементов бытия (огонь, вода, земля, воздух) как наиболее архаические древние пласти языка. Наряду с исследованиями других первоисточников имеется ряд работ, посвященных изучению образа огня. В современной лингвистической литературе концепт «огонь» анализируется на материале русского языка (О.В. Балонкина. «Фразеологическое представление стихии ОГОНЬ в русской лингвокультуре», И.А. Попова. «Стихия огня в колористике прозы И. Бунина», А.В. Трофимова. «Концепт ОГОНЬ в современном русском языке»), английского и украинского языков (В.О. Агеева. «Архетипная и стереотипная символика огня в английском и украинском языках»), а также на материале неродственных русскому языков в сопоставительном аспекте (Т.Хайруллина. «Репрезентация образов огня в языковой картине мира: сопоставительный аспект»). Однако несмотря на многомерное исследование данной проблемы, анализ концепта ОГОНЬ на материале ху-

дожественного дискурса первой трети XX века весьма интересен, поскольку наряду с универсальной архетипной символикой огня писатели указанного периода используют его уникальную метафоризацию.

Цель статьи — проанализировать особенности вербализации концепта ОГОНЬ в художественном дискурсе первой трети XX века.

Применение лингвистического наблюдения и дескриптивного метода позволило выявить, систематизировать и классифицировать языковые единицы, вербализирующие исследуемый концепт. С помощью описательного и сравнительного методов, концептуального анализа обоснованы особенности вербализации концепта «огонь» в поэзии Себрянского века.

Материалом для исследования послужили стихотворения А.А. Ахматовой, К.Д. Бальмонта, А.А. Блока, В.Я. Брюсова, М.А. Волошина, С.М. Городецкого, Н.С. Гумилева, С.А. Есенина, М.А. Кузмина. Привлечение большого корпуса контекстов употребления слова в художественной литературе, по мнению А.В. Трофимовой, необходимо для концептуального анализа. «Это позволяет не только обрисовать указанный концепт, но и с определенной степенью точности структурировать его, вычленяя множество наиболее характерных признаков», — считает А.В. Трофимова [Трофимова, 2005, с. 93].

Концепт ОГОНЬ — один из наиболее значимых концептов в русской языковой картине мира. Подтверждение тому — сложная семантическая структуры лексемы по данным толковых словарей, активно функционирующие в языке многочисленные словообразовательные существительные, продуктивно употребляющиеся синонимы (*пожар, костер, пламя, пал* и др.), различные дополнительные смыслы, связанные с мироощущением и миропониманием русского человека. Лексему «огонь» продуктивно используют писатели в названиях своих произведений, таким образом подчеркивая их основную идею, например: «Ханский огонь» — М.А. Булгаков, «Pale fire» — В.В. Набоков, «Батальоны просят огня» — Ю.В. Бондарев, «Огненный перст» — Б. Акунин и др.

Анализ фактического материала позволяет выделить в образной структуре исследуемого концепта мифологическую, антропоморфную и зооморфную составляющие. Мифологическая представлена божествами, с которыми ассоциировался огонь у наших предков. Антропоморфная составляющая связана с метафорическим представлением огня в виде человека. Зооморфная составляющая использует для презентации концепта признаки животных и птиц, обобщенные в народных представлениях.

Рассмотрим концептуальные метафоры огня в художественном дискурсе начала XX века — периода, связанного с расцветом символизма и получившего название «русского ренессанса», «Серебряного века» в поэзии. Для нас — людей, переживающих непростую, кризисную эпоху, многие мысли о человеке и мире, выраженные в литературе этого периода, особенности концептуализации определенных понятий звучат современно.

Анализ метафорического наполнения концепта «огонь» в поэзии Серебряного века выявил наряду с использованием традиционной символики стихии огня оригинальные авторские интерпретации. «К традиционной символике стихии огня, — отмечает Н.Н. Сыромля, — относятся значения: живая, подвижная стихия, символ божественной энергии, мифомира божественных сущностей, субститут Бога на Земле, характеризуется свойствами амбивалентности — символ созидания и разрушения, жизни и смерти, символ плодородия, символ страсти, сильных чувств и желаний, символ преобразования, возрождения, взаимодействия стихий, символ очищения и исцеления, света, мужского начала, символ творчества, вдохновения» [Сыромля, 2017, с. 93].

Антропоморфную метафору для создания образа огня находим практически у всех вышеуказанных авторов. Живой называет «...красивую яркость огня» Н.С. Гумилев в стихотворении «Огонь». По мнению поэта, вечно молодой, стремящийся ввысь, он не может быть не живым:

Он всегда устремляется ввысь,
Обращается в радостный дым,
И столетья над ним пронеслись,
Золотым и всегда молодым...
(Николай Гумилев. Огонь. 1991. С. 393).

Неслучайно последний поэтический сборник Н.С. Гумилева носит название «Огненный столп». «Арабский термин „столп поэзии“ связан с духовной основой поэтического творчества, с его космическим началом. Огненный столп является собой Богоприсутствие в сакральной традиции, библейской и индуистской», — считает С. Пушкирева [Пушкирева, 2019, с. 29]. «Огненный столп» фигурирует в Священном Писании как символ Господа: «...и двинулись сыны Израилевы из Сокхофа и расположились станом в Ефали. Господь же шел пред ними в столпе огненном, светящем, дабы идти им и днем, и ночью» (Исход 13:20–21). Божественный огненный столп в православии — это горящая свеча, символ очищения человеческой жизни.

«Огненный столп» в сборнике — это еще и пламя страсти, в котором сгорает лирический герой, это настоящая любовь как проявление высшей духовной сущности человека. Подобное описание огня как состояния страстной любви, сильного волнения и возбуждения унаследовано из фольклора и древних памятников письменности. «Внутреннее горение, страсть, пыл» — такое переносное значение лексемы, вербализующей исследуемый концепт, зафиксировано в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова [Большой толковый словарь русского языка, 1998, с. 698]. Метафорические описания стихии огня как страстной любви находим у А.А. Ахматовой: «О нет, я не тебя любила, Палила сладостным огнем» (Анна Ахматова. Лирика. 1989. С. 139), А.А. Блока: «Огонь нездешних вожделений / Вздымаает девственную грудь»; «Забыли вы, что в мире есть любовь, Которая и жжет, и губит» (Александр Блок. Стихотворения и поэмы. 1984. С. 27, 301), В.Я. Брюсова: «Любовь — огневая стихия»; «В певучих волнах тело тонет, Твои — касанья из огня»; «Тесно сжимаются Руки, объятья, кольца огня» (Валерий Брюсов. Собр. соч. Т. 1. 1973. С. 317, 384, 493). Этот «любовный огонь» наделен живительной силой духовного возрождения. С.А. Есенин испытывает любовь к родине: «Но более всего Любовь к родному краю Меня томила, мучила и жгла» (Сергей Есенин. Собр. соч. Т. I. С. 139). «Аналогизация психоэмоционального состояния человека со стихией огня является регулярным когнитивным процессом человеческого сознания», — отмечает Е.А. Селиванова [Селиванова, 2010, с. 116]. Например, у С.А. Есенина сценарий пожара передан метафорическим глаголом «заметаться»: «Заметался пожар голубой...» (Сергей Есенин. Указ. соч. С. 212). Толкование данной лексемы в словаре С. И. Ожегова связано с переживанием человека: метаться — «суетливо, в волнении ходить, двигаться в разных направлениях» [Ожегов, 1986, с. 351].

Но более всего о психоэмоциональном состоянии человека говорит его взгляд. Именно глаза отражают внутренний мир человека или, по мнению Платона, изливают горящий внутри нас огонь. Метафору глаза-огонь весьма продуктивно используют поэты Серебряного века. Например, А.А. Ахматова: «...И стихов моих белая стая, И очей моих синий пожар» (Анна Ахматова. Лирика. 1989. С. 122), К.Д. Бальмонт: «Мои зрачки — огонь, в них солнце задремало» (Константин Бальмонт. Собр. соч. Т. 5. 2010. С. 300], С.А. Есенин: «Я в твоих глазах увидел море, Поляхающее голубым огнем» (Сергей Есенин. Указ. соч. С. 258). Продуктивно использует данную метафору и А.А. Блок: «Горят глаза твои, горят, Как черных две зари!»; «И я одна лишь взгляду тревожу живым ог-

нем крылатых глаз»; «Твой быстрый взор огнем докучным меня обжег и ослепил»; «Очи татарские мечут огни» (Александр Блок. Стихотворения и поэмы. 1984. С. 15, 148, 249, 289), «О, только б огонь этих глаз целовать, — Я тысячи раз не устал бы желать!» (Александр Блок. Байрон. Подражание Катуллу. 1984).

Физическому состоянию человека огонь уподобляется у А.А. Ахматовой: «Шатается пьяный огонь По высохшим серым болотам» (Анна Ахматова. Указ. соч. 1989. С. 104). Здесь движение огня напоминает поведение нетрезвого человека (шататься — «бродить без дела» [Ожегов, 1986, с. 889]). Лексема *пьяный* способствует созданию образа блуждающего огня. А.А. Блок для описания огня использует концептуальные признаки физиологического состояния человека: «Смотрю: *растет, шумит пожар ...*»; «Чтобы только плясать при умерицем огне» (Александр Блок. Указ. соч. 1984. С. 15, 246).

В поэзии Серебряного века стихия огня символизирует различные чувства человека. Для А.А. Ахматовой огонь ассоциируется с мечтой о спасении: «Мечта о спасении скором Меня, как проклятие, жжет» (Анна Ахматова. Указ. соч. С. 426), для К.Д. Бальмонта — с тоской: «И я горю сейчас тоской неутолимой...» (Константин Бальмонт. Указ. соч. С. 300), для М.А. Волошина — с болью обид: «В нас тлеет боль внезижненных обид, Томит печаль, и глухо точит пламя...» (Максимилиан Волошин. Коктебельские берега. 1990. С. 59]), для С.А. Есенина — с верой: «Наша вера не погасла» (Сергей Есенин. Собр. соч. Т. IV. 1977. С. 103).

Поэты рассматриваемого периода со стихией огня связывают небесные светила (солнце) и природные явления (молния, закат, рассвет). Символический бинарный образ Огня-Солнца как мирового жизнетворческого и в то же время смертоносного начала предстает в творчестве К.Д. Бальмонта. В стихотворении «В час рассвета» (книга «В безбрежности») Солнце — символ возрождения и полноты жизни: «...Открывает лик победный, все полней и все светлей, Ярко-красное Солнце расцветающего дня, Как цветок садов гигантских, полный жизни и огня». «В предисловии к книге стихов „Будем как солнце“ поэт писал, что ход всего земного предопределен Солнцем. Солнце — гений превращения, капелька его силы есть в каждом человеческом Я, в песне птицы, в колосе пшеницы, в цветке нарцисса» [Барковская, 2010, с. 49]. Но в сонете «Вещий сон» (книга «Тишина») это разрушительная сила, ядовитый цветок: «От снежных гор с высокого хребта Гигантская восходит орхидея, Над ней отравой дышит пустота, И гаснут звезды, в сумраке редея» (цит. по: [Скок, 2007, с. 127]). Наиболее отчетливо

разрушительные мотивы, связанные со стихией Огня-Солнца, звучат в книге «Горящие здания»: «Я вижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, как кровь» («Как испанец»), «Два солнца по утрам светило с неба, / С свирепостью на дальний мир смотря» («В глухие дни»). Здесь прослеживаются параллели «Огонь-Солнце — кровь-смерть».

У многих поэтов Серебряного века в метафорических описаниях огонь — это сам человек, жизнь которого — мгновение на бренной земле. Подобные ассоциации находим у В.Я. Брюсова: «В черной буре наших дней Быть нам вспышками огней» (Валерий Брюсов. Собр. соч. 1973. С. 534), М.А. Волошина: «Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень» (Максимилиан Волошин. Указ. соч. С. 19). Метафора жизнь-огонь — характерная черта идиостиля С.А. Есенина: «Милая, мне скоро стукнет тридцать, И земля милей мне с каждым днем. Оттого и сердцу стало сниться, Что горю я розовым огнем»; «Золотые, далекие дали! Все сжигает житейская мреть. И похабничал я, и скандалил / Для того, чтобы ярче гореть»; «Коль гореть, так уж гореть, сгорая...» (Сергей Есенин. Указ. соч. Т. I. С. 59, 258); «Угасла молодость моя» (там же, Т. IV. С. 22). Для А.А. Блока и В.Я. Брюсова огонь ассоциируется с их поэтическим творчеством: «За ладьей — огневые струи — беспокойные песни мои» (Александр Блок. Указ. соч. С. 37), «Твои стихи — как луч... Покорны властному сиянию, Горят и зыблются они, И вдали уходят легкой тканью, Сплетая краски и огни» (Валерий Брюсов. Указ. соч. 1973. С. 245). Для К. Бальмонта в стихотворении «Я мечтою ловил уходящие дали» — с творческим прозрением: «И внизу подо мною уже ночь наступила, Уже ночь наступила для уснувшей Земли, Для меня же блистало дневное светило, Огневое светило догорадо вдали».

Характерная черта идиостиля Бальмонта — использование мифологических метафорических образов, связанных со стихией огня. Прежде всего это «Жар-Птица» — название седьмого поэтического сборника, в котором поэт воссоздает мир славянской мифологии, и стихотворения. Для К.Д. Бальмонта Жар-Птица — символ вдохновения, таланта, понять который могут лишь избранные, души, похожие на поэта, «Люди с волей, люди с кровью, духи страсти и огня!». Еще один мифологический образ в сборнике — славянский бог-громовержец Перун, связанный со стихией огня, — предстает в нескольких стихотворениях. В его описании поэт не отступает от мифологической трактовки: «У Перуна мысли быстры, Что захочет — так сейчас, Сыплет искры, мечет искры Из зрачков сверкнувших глаз» («Перун»). Именно он «при начале весны... Вылетает на пламени синем» («Пробужденный Перун»). Интересно, что этот бог славян наделил поэта удивительным даром — пи-

сать стихи: «*Влил ты молнии в мой стих, И сказал мне: — Жги*» («К Перуну»). Пожалуй, отсюда разница в изображении божества: в представлениях славян — это грозный могучий седовласый богатырь [Калашников, 2003, с. 45], а для К.Д. Бальмонта «*он, возлюбивший простор, Огнезорный, веселый, певучий*» («Пробужденный Перун»). В стихотворении «Тайга» поэт рисует еще один мифологический образ — огнистого змея:

*Сто вёрст пожара,
Откуда он?
Сокрылось солнце в клубах пара,
Затянуто дымом небосклон.
Ползёт шипенье,
Горит тайга.
Огнистых змеев льётся пенье,
И бьёт поток о берега...*

(Константин Бальмонт. 2010. С. 146).

Здесь поэт описывает пожар в тайге, увиденный в Забайкалье во время возвращения из большого путешествия по России. «*Еду в дыме, густом как туман. Это горит лес, кабинетские леса. Дым стелется на многие десятки, кажется, на сотни верст. Даже небо затянуто дымом, и Солнце скрылось*», — сообщает К.Д. Бальмонт в письме к жене от 25 мая 1916 года (Е.А. Андреева-Бальмонт. Воспоминания. 1996. С. 487).

Зооморфные метафоры для изображения огня поэты Серебряного века используют менее продуктивно. Их находим у А.А. Блока: «*На лице твоем жало огня*» (Александр Блок. Указ. соч. 1984. С. 291); С.М. Городецкого: «*И в синем своде Косматый конь — Душа движений, Всех сил огонь — От пеплонений / На жизнь уводит*» (Сергей Городецкий. Рожок пастущий... Т. 1. 1987); С. Есенина: «*Гаснут красные крылья заката*» (Указ. соч. Т. IV. 1977. С. 412); Саши Черного: «*Огонь, как змей, С ветки на ветку / Кружит по клетке, Бежит и играет, Трещит и пылает — Шип!*» («Костер», «Эй, ребятишки...»).

Излюбленный образ, связанный со стихией огня, у поэтов исследуемого периода — сожженное закатом небо. Его находим у А.А. Ахматовой: «*Лежал закат костром багровым, Казалось небо сожжено Червонно-дымною зарею, Лучи зари до полночи горят*» (Указ. соч. 1989. С. 83, 99, 102); А.А. Блока: «*Весь горизонт в огне...; Пожаром зари сожжено и раздвинуто бледное небо*» (Указ. соч. С. 30, 179), М.А. Волошина: «*Разлит закат озерами огня...*» (Указ. соч. С. 29). Оригинальные колорати-

вы использует К.Д. Бальмонт в стихотворении «Голос заката»: «Золотой пожар за тканями ветвей / Изменяется в нарядности своей / Он горит, как пламя новых пышных чар, Лиловато-желто-розовый пожар; Я предвечернее светило, Победно-огненный закат» (Указ. соч. С. 85).

У М.А. Волошина находим еще один образ, связанный с концептом «огонь» и символизирующий Божественное откровение, пророчество, очищение, нетленность, — Неопалимая Купина:

Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво — горит, не сгорая,
Неопалимая Купина! (с. 189).

«Образ этот является одним из самых поэтичных и наполненных глубоким символизмом в русском языковом сознании и в художественных текстах», — считает Н.М. Орлова [Орлова, 2007, с. 133]. В поэзии Серебряного века Неопалимая Купина подвергается трансформации при вербализации. Так, у Андрея Белого это Святая Купина: «Светясь, виясь, в морозный морок тая, Бросает в небо пламена / Тысячецветным светом излитая, Святая Купина» («Из душных туч, змеясь, зигзаг зубчатый...»). У В.И. Иванова — неопалима купина: «Вся мной горишь, но мной неопалима; Вся пламеней цветущих купина» («Как проницает розу солнце дня...»). У М.А. Кузмина — Божья купина: «Одной волной взметнулася морская глубина, Всё небо загорелося, как Божья купина» («Одна нога — на облаке, другая на другом...»). Неопалимая Купина для поэтов исследуемого периода — Божественный огонь — возможность очищения от грехов, спасения и возрождения России. По мнению Н.М. Орловой, этот образ огненного очищающего страдания для революционных эпох является архетипическим и оправдывающим их кровавый характер [Орлова, 2007, с. 134].

Поэты Серебряного века наделяют огонь оригинальными качествами. У А.А. Ахматовой он равнодушный: «Только в спальне горели свечи / Равнодушно-желтым огнем» (с. 104). У С.А. Есенина — ласковый: «Погаснет ласковое пламя» (Т. I. С. 258). У В.В. Набокова — лукавый — «игривый, исполненный добродушиной хитрости» (цит. по [Светличная, 1971, с. 233]): «Только в окнах огонек лукавый промелькнул». У К.Д. Бальмента проворный, веселый и страстный, роковой, властительный, бесшумный и многощумный, многоцветный, страшный, вкрадчивый, вездесущий, блестящий, яростный (по работе [Скок, 2007, с. 128]).

Исследователи русской литературы начала XX века указывают на продуктивное использование образов огненной стихии, которая ассоциируется с революционными преобразованиями, и в прозе этого пе-

риода. «Лексика и метафорика со значением горения, воспламенения и других проявлений огненной стихии, — отмечает Н.А. Непомнящих, — широко используется в литературе и публицистике первых послереволюционных лет как для создания грандиозного стихийного образа русской революции, так и для передачи масштабности постигшей Россию исторической катастрофы» [Непомнящих, 2011, с. 135]. Подтверждение тому — названия произведений тех лет: «Огненная Россия» — сборник очерков А.М. Ремизова, «Реки огненные» — рассказ Артема Веселого, «Горящая Россия» — очерк И.С. Соколова-Микитова и др.

Особое место стихии огня отводится в творчестве Максима Горького. По воспоминаниям современников, писатель был «огнепоклонником». Он любил пожары, просто огонь. И даже спички не тушил в пепельнице, а устраивал из них маленький «костер». Вид огня завораживал его, поэтому писатель стремится к поэтизации данной стихии: («О поезде»): «Из белого горла туннеля, заставляя трепетать жемчужные бусы огней, мчится одинокое чудовище»; «Она (Ольга) скоро ушла, оставив меня в радужном огне надежд, в счастливой уверенности, что теперь, с её доброй помощью, я окрылённо вознесусь в сферу иных чувств и мыслей» (Максим Горький. Собр. соч. Т. 15. 1951. С. 183).

Интерес представляет метафорическое воплощение концепта «огонь» в рассказе «Пожар» (Максим Горький. Пожар). Описывая возникший за полночь пожар на Мало-Суэтинской улице, М. Горький изображает огонь как разрушающую адскую силу: «огонь выметнулся из окон на улицу вдруг, точно всхлынул из недр земных». Неслучайно потушить его пытается простоволосая старуха, машущая иконой в белой ризе и басом поюща:

— Ма-атушка, пособница-а, уgomони-ка ты силу дьявольску-у...

Использование соматической лексики позволяет передать трансформацию образа огня из великаны в чудовище с цепкими лапами и острыми когтями: двухэтажный ветхий дом скорняка Сычева был поднят с земли широкими красными ладонями огня, которые раздевают его, сбрасывая грязно-рыжие доски, в огненных языках и синих струйках дыма; лопаются стекла, из окон высовывается тяжёлый серый дым, а за ним — огонь, загибавший вверх красные цепкие лапы с острыми когтями.

При горении дома таяли и плавились в красных взрывах пламени, словно свечи, по крышам бегали золотые гребни, золотые птицы летали в тучах дыма. Как видим, при описании состояния горения М. Горький использует мифологическую метафору: золотая птица —

это жар-птица. Кроме того, языки пламени своими действиями уподобляются рептилиям: *глубокие змейки огня, свиваются в пурпуровые клубки и катятся по стене вверх и вниз, падают на чёрную землю и лижут её.*

Для писателя огонь — некая очищающая мятежная сила, созданию образа которой способствует антропоморфная метафора: *«Как будто все маленькие огни, погашенные людьми этой улицы, тихонько, подземно собрались, соединились в одно непобедимое пламя и вот запели жаркую песню свободы и мести, разрушая грязные, душные клетки людей».* В рассказе действия огня уподобляются действиям человека голодного, ищущего пропитание: *огонь на земле доедает груды брёвен, досок, стропил, грызёт раскалёнными зубами ворота, заборы, бегает по откосам и жнёт бурьян золотыми серпами.* И вновь писатель использует колоратив золотой. Антропоморфизм прослеживается в описании пламени — одного из вариантов вербализации анализируемого концепта: *Пламя вздымается снизу, занавешивая стены домов, изгибаясь змейкой, заглядывает с крыши в окна, точно вызывая кого-то из дома.* Для писателя оно то «широкое полотнище кумача», то «лоскутъя», спускающиеся весёлой стаей птиц.

Даже продукт горения — искры — в рассказе описаны очень поэтично: это *жёлтые мотыльки, жемчуг, алые цветы* в высущенном солнцем бурьяне.

Уникальным явлением в «Пожаре» является метафора-загадка, в которой объект метафоризации не называется, но на него указывает контекст: *Красная метель гуляла по улице, огонь празднично разыгрался и творил непонятное, чудесное.*

Тема огня и пожара — центральная в очерке М. Горького «Пожары» (Максим Горький. Собр. соч. 1951), представляющем собой нескользко небольших зарисовок, герой каждой заворожен «волшебной силой огня»: *«Велико очарование волшебной силы огня. Я много наблюдал, как самозабвенно поддаются люди красоте злой игры этой силы, и сам не свободен от влияния ее. Разжечь костер — для меня всегда наслаждение, и я готов целые сутки так же ненасытно смотреть на огонь, как могу сутки, не уставая, слушать музыку».* Причудливые образы принимает огонь в произведении. Он уподобляется мохнатым зверям, которые то «припадали к земле», то «обнимая стволы, ловкими обезьянами лезли вверх». Писатель с удивительной точностью изображает повадки диких животных: они «боролись друг с другом, ломая сучья, свистели, гудели и ухали». Далее огонь превращается в фигуру рыжего медведя с багровыми лапами, пламенного медведя-овсянника с красной огромной пастью. Там, где он был, *бегут пурпуровые мыши, ползут сотни ог-*

ненных муравьев. И завершает описание лесного пожара, столь великолепный праздник огня, огромная змея, которая пропадает, как бы зарываясь в землю. Еще один пример использования зооморфной метафоры при описании картины ночного пожара: «Темной ночью февраля вышел я на Ошарскую площадь — вижу: из слухового окна какого-то дома высыпался пышный лисий хвост огня и машет в воздухе...».

«М. Горький — художник огненной стихии, в образном мышлении писателя огню подобна человеческая жизнь, сам человек, его душа и сердце, с огнем сближаются его мысли и чувства, его голос и звучащее слово», — считает Н.М. Светличная [Светличная, 1971, с. 203]. Подтверждение тому — слова главного героя в поэме «Человек»: «Я — в будущем — пожар во тьме вселенной! И призван я, чтоб осветить весь мир». Для него мысль — «маяк во мраке жизни, огонь во тьме ее позорных заблуждений».

Еще один горьковский герой, в очах которого сверкали лучи могучего огня великой любви к людям, — смельчак Данко, осветивший вырванным из груди горящим сердцем путь людям во мраке их темной жизни.

Иное метафорическое наполнение концепта «огонь» как внутреннего состояния человека находим в прозе М.И. Цветаевой. «Самым „огненным“ в ее описаниях был М.А. Волошин, — отмечает Е.М. Янчук, — „огонь в нем был“, как огонь внутри земли» [Янчук, 2018, с. 138]. В «Истории одного посвящения» поэтессы приводит рассказ страстного поклонника поэта: «в иные минуты его сильной сосредоточенности от него, из него — концов пальцев и концов волос — было пламя, настоящее, жгущее». И далее читаем: «Это был огромный очаг тепла, физического тепла, такой же достоверный тепловой очаг, как печь, костер, солнце. От него всегда было жарко — как от костра...» (Марина Цветаева. Неизданное. Записные книжки. Т. 1. 2020. С. 193). Еще один человек, который ассоциируется у М.И. Цветаевой со стихией огня, — это актриса Софья Голлидей. «Передо мною — живой пожар. Горит все, горит — вся. Горят щеки, горят губы, горят глаза, несгораемо горят в костре рта белые зубы, горят — точно от пламени вьются! — косы, две черных косы, одна на спине, другая на груди, точно одну костром отбросило», — так описывает подругу М.И. Цветаева в «Повести о Сонечке» (Указ. соч. С. 298).

В письмах поэтессы огненные образы свидетельствуют о ее чувствах к адресату. Ее любовь к А.А. Ахматовой — «небесный пожар», от которого хочется умереть: «я бы хотела настоящего костра, на котором бы меня сожгли» (с. 201). В одном из писем к В.Н. Буниной —

жене великого писателя — М.И. Цветаева просит: «...не бойтесь моего жара к Вам, переносите его со спокойствием природы — стихов — музыки, знающих род этого жара и его истоки» (там же, с. 58).

Об огне внутри себя, огне души и сердца как метафоре дара речь идет в письмах 16-летней Марине к своей первой любви Петру Юрьевичу: «Человек может погибнуть, если огонь вспыхнет в нем слишком сильно. Горение могут вынести только немногие избранные. Я лично говорю: надо всегда разжигать костер в сердце прохожих, только искуру бросить, огонь уж сам разгорится» (Марина Цветаева. Собр. соч. 2015. С. 323). Ее стихи — результат небесного дара, горения поэтессы. «Сколько стихов в книге — столько взрывов, пожаров, обвалов: пустыней» (там же, с. 323), — признается она в письме в 1926 г. к П.П. Сувчинскому. Вся жизнь Марине Цветаевой подтверждает верность убеждению в том, что «лучше мученья, огненные, яркие, чем мирное тленье» (С. 323). И когда приходит осознание, что ее «огонь никому не нужен, потому что на нем кашу не сварить» (Марина Цветаева. Неизданное. Записные книжки. 2000. С. 334]), «Пора! для этого огня — Стара!» — поэтесса уходит из жизни.

В художественной прозе И.А. Бунина привлекает богатая колористика стихии огня. Цветом солнца, крови, жизни, огня считается красивый. Но писатель с целью усиления зрительного и эмоционального воздействия на читателя отдает предпочтение цветам вторичной номинации (огненный, огненно-красный, огненно-багряный, огненно-рыжий вместо красный): Не удивительны, не очень страшны оказались и учителя во фраках с золотыми пуговицами, то огненно-рыжие, то дегтярно-черные, но одинаково крупные... (Иван Бунин. Т. В. 1988. С. 43). «Данные цветоименования, — считает И.А. Попова, — сохраняют живой образ стихии, являются эталоном цвета» [Попова, 2011, с. 73]. Например: ...На туче, как церковная картина, высится огромный зрак: белобрадый, могутной Илья в огненном одеянии, сидящий, как бог Саваоф, на мертвенно-синих клубах облаков... (Указ. соч. Т. III. С. 337). Здесь огненное — «цвета огня, красный» [Ожегов, 1986, с. 379] и «испускающее свечение, подобно горящему пламени» [Попова, 2011, с. 74]. В подобных колоративах «прослеживается психоэмоциональная связь с понятием, предметом, давшим название цвету» [Белобородова, 2000, с. 18].

По мнению исследователей, И.А. Бунин как художник-импрессионист оперирует большим арсеналом оттенков и каждый раз стремится к созданию нового, ранее им не употреблявшегося, что проявляется даже в пределах одного контекста [Попова, 2010, с. 73]: «Тонька... сидела на полу прямо против ее (печки) устя, вся в пламенно-темном

озаренье, держала в руках кочергу, огненно-белый конец которой лежал на углях, и, слегка отклонив от палившего жара такое же темно-пламенное лицо, полусонно смотрела на эти угли, на их малиновые, хрупко-прозрачные горки, кое-где уже меркнувшие под сиреневым тонким налетом, а кое-где еще горевшие сине-зеленым эфиром» (Указ. соч. Т. В. С. 123). С помощью колоративов автор создает картину угасания огня, передает его тончайшие цветовые перевоплощения: от огненно-белого, т.е. ярко-белого, сопровождающегося свечением, до сине-зеленого, по мнению химиков, обусловленного излучением цианидов.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в поэзии Серебряно-го века с целью концептуализации огня наиболее продуктивно используется антропоморфная метафора, уподобляющая этой стихии психо-эмоциональное и физическое состояние человека, его чувства. Мифологические и зооморфные метафоры для изображения огня поэты Серебряного века используют менее активно. Излюбленные образы, связанные со стихией огня, у поэтов исследуемого периода — сожженное закатом небо и Неопалимая Купина. Анализ произведений А.А. Ахматовой, К.Д. Бальмонта, А.А. Блока, В.Я. Брюсова, М.А. Волошина, Н.С. Гумилева, С.А. Есенина, М.А. Кузмина выявил поэтизацию огня у этих авторов. Огонь в их творчестве чрезвычайно многоголик: *равнодушный, ласковый, лукавый, проворный, веселый, роковой, властительный, бесшумный и многошумный, многоцветный, страшный, вкрадчивый, вездесущий, блестящий, яростный*.

Образы огненной стихии продуктивно используются в русской прозе начала XX века, поскольку ассоциируются с революционными преобразованиями. Анализ вербального воплощения концепта в прозаических текстах И.А. Бунина, М.Горького и М.И. Цветаевой выявил особенности метафоризации огня в их творчестве. Для М. Горького — это разрушающая адская сила, стихия, принимающая причудливые образы: то чудовища с цепкими лапами, то золотой птицы, то рептилий, то мохнатых зверей. Писатель считает, что огню подобна человеческая жизнь, сам человек. Его точку зрения разделяет М.И. Цветаева, в прозе которой огонь — внутреннее состояние человека. В ее эпистолярном наследии огонь — метафора поэтического дара. Отличительная черта прозы И.А. Бунина как художника-импрессиониста — использование богатого арсенала «огненных» колоративов (*огненно-рыжий, огненно-белый, пламенно-темный, малиновый, сине-зеленый*) с целью усиления зрительного и эмоционального воздействия на читателя.

Библиографический список

Барковская Н. Поэзия «серебряного века». URL: <http://www.s-age.ru/pdf/s.pdf>

Белобородова И.В. Концепт «ЦВЕТ» в лингвокогнитивном аспекте. URL: <https://cheloveknauka.com/kontsept-tsvet-v-lingvokognitivnom-aspekte>

Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.

Калашников В. Боги древних славян. М., 2003.

Непомнящих Н.А. Сюжет в очерке М. Горького «Пожары» (из цикла «Заметки из дневника. Воспоминания») // Литература и документ. Новосибирск, 2011.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.

Орлова Н.М. Неопалимая купина как концепт Библейского истока // Вестник ТГУ. Серия Филология. 2007. Выпуск 11 (55).

Попова И.А. Художественный концепт «огонь» в ракурсе лингвокогнитивной поэтики // Известия ЮЗГУ. Серия Лингвистика и педагогика. 2011. № 2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20130578_87166268.pdf

Попова И.А. Стихия огня в колористике прозы И. Бунина. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stihiya-ognya-v-koloristike-prozy-i-bunina/viewer>

Пушкарева С.В. «Огненный столп» как значимый художественный концепт позднего творчества Н.С. Гумилева // Вестник МИТУ-МАСИ. 2019. № 2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41435421_59869363.pdf

Светличная Н.М. Системность лексики писателя (на материале словоупотребления глаголов горения в произведениях Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Чехова, Толстого, Бунина, Горького). Ленинград, 1971.

Скок Т.Н. Эволюция образа Огня в лирике К. Бальмонта. 2007. № 5 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evoljutsiya-obraza-ognya-v-lirike-k-balmonta/viewer>

Сыромля Н.Н. Метафора как средство выражения образных значений концепта огонь в лирике В. Брюсова // Знание. 2017. № 2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28432189_12501809.pdf

Трофимова А.В. Концепт «ОГОНЬ» в современном русском языке : дисс. ... канд. филол. н., М., 2005.

Янчук Е.М. Мотив огня в творчестве Марины Цветаевой // Эпоха «великих потрясений» в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения»). Курск, 2018. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35082716_12132394.pdf

Источники

- Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1996.
- Ахматова А.А. Лирика. М., 1989.
- Бальмонт К.Д. Собр. соч. : в 7 т. Т. 5. М., 2010.
- Блок А.А. Стихотворения и поэмы. М., 1984.
- Брюсов В.Я. Собр. соч. : в 7 т. Т. 1. М., 1973.
- Бунин И. А. Собр. соч. : в 6 т. М., 1987–1988.
- Волошин М. Коктебельские берега. Симферополь, 1990.
- Городецкий С. Избранные произведения. Т. 1. М., 1987
- Горький М. Собр. соч. : в 30 т. Т. 7, Т. 15. М., 1951.
- Горький М. Пожар. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/pozhar.htm>
- Гумилев Н.С. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М., 1991.
- Есенин С.А. Собр. соч. : в 6 т. М., 1977–1980.
- Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: в 2 т. Т. 1. М., 2000.
- Цветаева, М. Собр. соч. : в 5 т. М., 2012–2016.

References

- Barkovskaya N. *Poetry of the “Silver Age”*, Ekaterinburg, 2010. (In Russian)
- Beloborodova I.V. *The concept “COLOR” in the linguocognitive aspect*, Taganrog, 2000. (In Russian)
- Large explanatory dictionary of the Russian language*, St. Petersburg 1998. (In Russian)
- Kalashnikov V. *Gods of the ancient Slavs*, Moscow, 2003. (In Russian)
- Nepomnyashchikh N.A. The plot in M. Gorky’s essay “Fires” (from the series “Notes from a Diary. Memoirs”). *Literatura i document* = Literature and document, Novosibirsk, 2011. (In Russian)
- Ozhegov S.I. Russian language dictionary, Moscow, 1986. (In Russian)
- Orlova N. M. The Burning Bush as a concept of the Biblical source. *Vestnik TGU* = Bulletin of TSU, Philology Series, 2007, iss. 11 (55). (In Russian)
- Popova I.A. Artistic Concept «Fire» from the Perspective of Lingvocognitive Poetics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*. = Bulletin of South-West State Universit, 2011, no. 2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20130578_87166268.pdf (In Russian)
- Popova I.A. *The Element of Fire in the Coloristics of I. Bunin’s Prose*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stihiya-ognya-v-koloristike-prozy-i-bunina/viewer> (In Russian)
- Pushkareva S.V. «*The Pillar of Fire* as a Significant Artistic Concept in the Late Works of N.S. Gumilev. *Vestnik MITU-MASI*. = MITU-

MASI Bulletin. 2019. No. 2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41435421_59869363.pdf (In Russian)

Svetlichnaya N.M. *The Systematicity of the Writer's Lexicon (Based on the Use of Burning Verbs in the Works of Pushkin, Lermontov, Nekrasov, Chekhov, Tolstoy, Bunin, Gorky)*. Leningrad, 1971. (In Russian)

Skok T.N. *Evolution of the image of Fire in the lyrics of K. Balmont*, 2007, no. 5 (59). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-obraza-ognya-v-lirike-k-balmonta/viewer> (In Russian)

Syromlya N.N. Metaphor as a means of expressing figurative meanings of the concept of fire in the lyrics of V. Bryusov. *Znaniye* = Knowledge. 2017, no. 2. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28432189_12501809.pdf (In Russian)

Trofimova A.V. *The concept of «FIRE» in the modern Russian language*. Abstract of Philol.Cand.Diss., Moscow, 2005. (In Russian)

Yanchuk E.M. The Motif of Fire in the Works of Marina Tsvetaeva. *Epokha «velikikh potryaseniy» v literature, yazyke i kul'ture («Fetovskiye chteniya»)* = The Era of “Great Upheavals” in Literature, Language and Culture (“Fetov Readings”). Kursk, 2018. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35082716_12132394.pdf (In Russian)

List of Sources

- Andreeva-Balmont E.A. *Memories*. Moscow, 1996.
- Akhmatova A.A. *Lyrics*. Moscow, 1989.
- Balmont K.D. *Collected Works*, vol. 5, Moscow, 2010.
- Blok A.A. *Poems and Poems*, Moscow, 1984.
- Bryusov V.Ya. *Collected Works*, vol. 1, Moscow, 1973.
- Bunin I.A. *Collected Works*, Moscow, 1987–1988.
- Voloshin M. *Koktebel Shores*, Simferopol, 1990.
- Gorodetsky S. *Selected Works*, vol. 1, Moscow, 1987,
- Gorky M. *Collected Works*, vol. 7, 15, Moscow, 1951.
- Gorky M. *Fire*. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/pozhar.htm>
- Gumilyov N.S. *Works*, vol. 1, Moscow, 1991.
- Yesenin S.A. *Collected Works*: in 6 vols, Moscow, 1977–1980.
- Tsvetaeva M. *Unpublished. Notebooks*: vol. 1, Moscow, 2000.
- Tsvetaeva M. *Collected Works*: in 5 vols, Moscow, 2012–2016.